

ТОМ
ПИСАТЕЛЕЙ
🕒

НАТА
СУЧКОВА

продієнка

Ната Сучкова

Продлёнка

«Издательские решения»

Сучкова Н.

Продлёнка / Н. Сучкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833198-5

Представьте, что вы — хороший мальчик, лет, скажем, двенадцати. Тонко чувствующий и думающий иначе. А теперь пройдите снова путь взросления и влюбленности, царапин и ссадин, первой боли, досадных неудач и маленьких побед. Школа жизни — жестока, плохишей тут оставляют после уроков. Ты на продлёнке, ты тут остался сам. Избранное из трех книг вологодского поэта и новое, гармонично вписанное в сюжетную канву. Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

ISBN 978-5-44-833198-5

© Сучкова Н.
© Издательские решения

Содержание

«это очень тонкая красная линия...»	6
«Большеротым птенцом, садоводом прожжённым...»	7
«Дачник мой август – тетрадь на столе...»	8
«Тёплое облако синее...»	9
«Ну вот они, твои поводыри...»	10
«С молочной дырочкой во рту, напичканной вареньем...»	11
«Даже не волей – порывом отчаяния...»	12
«Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок...»	13
«Путь к реке такой скользкий, что ты осторожно ступаешь...»	14
«Есть города, которые меняют имена...»	15
«Катят, и катят, и катят...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Продлёнка

Ната Сучкова

© Ната Сучкова, 2016

© Творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3198-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ЭТО ОЧЕНЬ ТОНКАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ...»

это очень тонкая красная линия
оцарапанные колени и
невозможность просто назвать по имени
земляничное моё варенье
разливается-льёт радиола дедова
ты выходишь щенка своего проведать
а потом тебя позовут обедать и
и меня позовут обедать
укоризненно глянут на жаркий вид
по карманам велят похлопать
но в карманах моих и в карманах твоих
только семечки от укропа

«Большеротым птенцом, садоводом прожжённым...»

Большеротым птенцом, садоводом прожжённым,
Я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник,
И на вкус не могу узнать.
И стою рядом с мамой, шмелём поражённый,
Но гудит во мне шмель, он – живой, не прожёван,
И в ладони мои, как крыжовник тяжёлый,
Опускается благодать.

«Дачник мой август – тетрадь на столе...»

Дачник мой август – тетрадь на столе,
В ней по линейчкам ходят трамваи.
Я к твоим буквам язык прижимаю,
А за щекою поёт карамель.
Тут, за щекою, поёт, говорю,
Дырочкой хрупкой, стеклянной, глубокой,
Яблочным розовым треснувшим боком,
Как здесь вместиться ещё букварю?!
Но на минуту всего повзрослеть —
В сладкой слюне карамелька растает,
Дачник мой август тетрадь пролистает,
Встанут трамваи, и нечему петь.

«Тёплое облако синее...»

Тёплое облако синее
можно поймать за хвост,
даже не нужно усилия —
выпрямись лишь во весь рост.
Солнце блестит на радужке,
пар преломляет свет,
синее облако – бабушка,
белое облако – дед.
Ты всё такая же вредина —
прыгни – раз, два – и повис,
вон от её передника
свесился краешек вниз.
– Бабушка, видишь, там радуга?
Как мне достать до тебя?
Только она, аккуратная,
фартук уже прибрала.
– Спи, мой хороший, полно-ка,
я ведь и так с тобой, —
и укрывает облаком
с вышивкой набивной.

«Ну вот они, твои поводыри...»

Ну вот они, твои поводыри:
один – босой, худющий нестерпимо,
расчёсывает сладко волдыри,
ошпаренный кипящею крапивой.
Вторая – слёз фасетный отпечаток,
дороги эти поросли быльём —
большая чёрно-белая овчарка,
набитая, как ватю, репьем.
Ведут: забор, увитый повиликой,
колхозный сад, казённый небосвод,
где ты когда-то воровал клубнику,
хотя своей был полный огород!
Наверняка – чтоб видели в сторожке,
в земле и в сладком – липкая рука,
и представлял, как остро пахнет кожей
солдатский дедовый ремень из сундука.
Петлял как заяц, забирал правее —
брат чертыхнётся, бабушка – вздохнёт, —
хотя бы так, раз не дадут примерить,
хотя бы так – пусть пряжка обожжёт!
Через забор, увитый повиликой,
чтоб завтра предъявить всем на пруду
синяк на правой белой половинке,
похожий на солдатскую звезду.

«С молочной дырочкой во рту, напичканной вареньем...»

С молочной дырочкой во рту, напичканной вареньем,
я показать тебе иду сложение в примере,
я говорю набитым ртом, кручусь вокруг волчком я,
и смотрит на меня котом соседский кот учёный.
Я говорю тебе: «Лови!», верчусь вокруг юлой,
и скачет кошка – дух любви за маленькою мной.
И кот – учёный, не простак, и кошка – дух любви —
все подтвердят: да, было так. Как не было, увы.

«Даже не волей – порывом отчаяния...»

Даже не волей – порывом отчаяния
Вспомнить то время: меня ещё нет,
Папа заходит и ставит чайник,
Мама заходит и выключает
Чайник и гасит свет.
Вот они в сумерках непроглядных,
Боже, ещё их мгновенье не тронь!
Мама его по щеке погладит.
(Время – короткое, как халатик.)
Папа её поцелует в ладонь.
Что с этим делать, увы, непонятно:
Крикнуть, прижаться, бежать со всех ног?
Я получился такой невнятный
(Равно похожий? Ну, это вряд ли...),
Ломанный, как цветок.
Я им придумал за всё, что забыто,
Вроде бы так отдаю должок.
Вот и стою, как цветок, – раскрытый,
Укоренённый, втоптаный, врытый —
Там, где меня – не должно.

«Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок...»

*Стоит октябрь, и небо многолико
А крикнешь в небо, и не слышишь крика,
Лишь облышко, как перышко, парит
Над девочкой с медовым сердоликом
Во рту её язык, как земляника,
Такой же сладкий, что ни говорит...*

Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок,
Застенчивый, веснушчатый и рыжий,
А я по улице, неонам запалённой,
Бегу мимо него, его не вижу!
По улице Гагарина с продлёнок
На улицу Гончарную, где праздник,
Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок,
А я бегу, бегу, как второклассник!
И с высоты своих, ну, пусть сто двадцать,
И с высоты своих, ну, скажем, девять
Я начинаю дошколёнку улыбаться
Всем тем презрением, которым я умею,
Всем тем умением, которым так гордятся,
Читать, кривляться, перелистывать тетрадь
И звёздочкой октябрьской – октябрятской,
Такой холодной, если целовать.
Стоит октябрь, и улицы обломок
Мелькнёт в пруду, и завидно признать,
Что это я – всего лишь октябрёнок —
Здесь пробегу, а он останется стоять.

**«Путь к реке такой скользкий,
что ты осторожно ступаешь...»**

Путь к реке такой скользкий, что ты осторожно ступаешь,
Подминая траву неуклюже: соцветья, колосья,
Слово кажется польским, но, кажется, ты понимаешь —
Это первое слово, которое ветер приносит.
В погремушке сухой перезревшие зёрна зашиты,
Перед тем как скатиться, на миг замерев на откосе,
Ты сломаешь стручок и рассыплешь горошек мышинный
На глухие и звонкие, что тебе ветер приносит.

«Есть города, которые меняют имена...»

Есть города, которые меняют имена,
Проходят разные над ними временами времена:
Сегодня он прозрачен, завтра – в дымке,
Отечества казбеками прокурен,
Изменчивый, как на переливной картинке,
Вы вряд ли, впрочем, помните такую.
Нет-нет, не анимация, 3D
И розового дыму напустили,
А как, допустим, крутишь диафильмы —
И буквы на помятой простыне.
Или выводит медленно рука
Индиру Ганди и Джавахарлала Неру,
И видишь мелко надпись *Кишинеу*
На кожаной обложке дневника.
Или посмотришь мельком в небеса,
Качнёшься и замрёшь от изумленья,
И видишь, как растёт стихотворенье,
И самолёт летит – поверь, так надо, —
Из города летит, из Ленинграда,
И солнце бьёт, и пыль слепит глаза,
А он летит себе, летит всё выше,
Протянешь руку и сорвёшь четверостишие —
Стихотворенья нежного росток,
Ещё зелёного совсем стихотворенья.
И чушь напишешь в школьном сочинении
И сдашь её учителю на стол.
И ждёшь-пождёшь заслуженный свой кол.
.....
Я думаю, сейчас они сидят
Небесное винишко попивают,
И в города забытые играют,
И стюардессой импортной дымят.
И проплывают мутные от слёз
Каракули из тоненькой тетради
Над дядею, живущем в Ленинграде,
И папкою, уехавшем в Свердловск.

«Катят, и катят, и катят...»

Катят, и катят, и катят
по воде мороженой, засахаренному льду.
(Гипотенуза и катет,
кроличья шапка на лбу,
Гипотенуза и катет,
а между ними – пунктир,
В ранце тяжёлом тетради,
яблоко и транспортир,
В клетку тетради, в полоску —
много чего в них пиши.)
Катят твои двухполозки,
точно карандаши,
Катят по белой бумаге
северной тихой реки...
а потом ты живешь во праже
или как собака на сене
или на другой воде
например на эльбе
читай на лабе
иногда и вовсе везде
раз в году приезжаешь к маме
тыща верст на её могилу
и идёшь к реке через силу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.